

Цифровые экосистемы и право на отказ от технологий

Д.С. Денисов

Аннотация— В работе рассматривается вопрос развития цифровых платформ и экосистем, в том числе государственных. Исследуется понятие цифровой экосистемы и смежных явлений. Оцениваются возможные способы влияния цифровых экосистем на некоторые общественные институты. Утверждается, что одним из последствий цифровой трансформации может стать развитие тенденций правовой эксклюзии, то есть ограничения или лишения прав тех категорий населения, которые по определенным причинам не хотят или не имеют возможности пользоваться цифровыми технологиями. В качестве гарантии обеспечения равного и недискриминационного доступа граждан к декларативно гарантируемым благам предлагается законодательное закрепление института права на отказ от взаимодействия с государством и обществом цифровым путем. На основе анализа академических источников приводятся аргументы отечественных и зарубежных исследователей в пользу развития указанного правового института. Формулируется вывод о необходимости обеспечить равный и исключающий дискриминацию доступ граждан к получению гарантированных социальных благ, а также обеспечить способы реализации основных конституционных прав, исключающие фактическое поражение в правах (в том числе на участие в управлении государством) целой категории граждан.

Ключевые слова — цифровые экосистемы, цифровые платформы, цифровые технологии, цифровизация, право на отказ от цифровых технологий, цифровая трансформация, цифровая эксклюзия, цифровая дискриминация, права человека.

I. ВВЕДЕНИЕ

Бурное развитие цифровых технологий привело к цифровизации многих сфер общественной жизни. Как отмечается в докладе НИУ ВШЭ «Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты» (2021) со ссылкой на данные McKinsey&Company, прорыв в области цифровизации различных секторов экономики, который был совершен всего за несколько месяцев пандемии, сопоставим с предшествующим ему прогрессом в этой области за 3-4 года [1]. Многие тенденции развития цифровых сервисов, проявившие себя в частном сегменте рынка, были замечены и «архитекторами» государственной цифровизации. В частности, в марте 2020 года министр цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации М.И. Шадеев обсудил с главами ИТ-компаний необходимость объединения разрозненных ИТ-систем федеральных ведомств в

единую цифровую экосистему [2].

Увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 процентов утверждено Указом Президента от 21.07.2020 № 474 в качестве одной из национальных целей развития до 2030 года.

Однако потенциал государственной цифровой экосистемы не ограничивается сферой государственных услуг. Как показано в докладе Центра стратегических разработок РАНХиГС (2019), концепция «государство как платформа» (по смыслу текста – цифровая платформа или экосистема) предусматривает также межведомственную цифровизацию процессов и создание комплексной организационно-технической инфраструктуры для обеспечения деятельности системы госуправления [3].

Цифровая государственная экосистема, «точками входа» в которую являются как федеральный портал «Госуслуги» (ЕПГУ), так и региональные порталы (например, «Госуслуги Москвы»), выступила не только средой для осуществления процессов в области государственного и муниципального управления, но с появлением института дистанционного электронного голосования (ДЭГ) приобрела новое принципиально важное свойство, а именно стала площадкой для реализации основополагающего политического процесса – выборов. В связи с этим, как верно отмечают А.А. Фролов, А.В. Соколов и Д.В. Егоров, интерес представляет осмысление социо-гуманитарных последствий внедрения цифровых экосистем в общественно-политические процессы и институты [4].

Развитие государственной цифровой экосистемы, предполагающее реализацию важнейших политических процессов в цифровой среде, потенциально способно оказать существенное влияние на указанные процессы. Например, цифровизация избирательных процедур способна вовлечь в избирательный процесс тех, кто ранее отказывался от участия в нем из-за необходимости тратить для этого субъективно значимое количество времени и (или) усилий. С другой стороны, электронное голосование по мере своего развития снижает потребность избирательной системы в неквалифицированных наблюдателях, не обладающих ИТ-компетенциями, тем самым отнимая у ряда инициативных граждан возможность принимать активное и деятельное участие в этом политическом процессе.

Всестороннего рассмотрения заслуживает вопрос о том, существуют ли этические и правовые основания для того, чтобы установить пределы распространения

государственной цифровой экосистемы и законодательно закрепить право на «аналоговую» альтернативу соответствующим цифровым сервисам. Имеет ли гражданин право не являться участником (пользователем) государственной цифровой экосистемы, не переставая при этом быть субъектом политического процесса, не подвергаясь фактическому поражению в правах? Казалось бы, предусмотренное Всеобщей декларацией прав человека право пользоваться благами научного прогресса на то и является именно *правом*, а не обязанностью, однако тенденции и темпы цифровизации демонстрируют всю сложность и неоднозначность исследуемого вопроса [5].

II. ЦИФРОВАЯ ЭКОСИСТЕМА И СМЕЖНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Первоначально возникнув в естественных науках, через экономику и взрывной рост соответствующей бизнес-модели, понятие «экосистема» и «экосистемный подход» все больше и больше проникли в другие области человеческого знания и практики, включая политологию и государственное управление, и продолжают это делать [6]. Впервые концепция экосистемы как бизнес-явления была сформулирована в нашумевшей статье Джеймса Мура «Predators and Prey: A New Ecology of Competition» (1993) [7].

Представление об экосистеме бизнес позаимствовал из биологии, когда впервые в 1935 году термин «экосистема» ввел Артур Тэнсли. В его трактовке экосистема – это локальные сообщества организмов, которые взаимодействуют друг с другом и окружающей средой. Чтобы процветать, эти организмы одновременно конкурируют и сотрудничают, совместно эволюционируют и адаптируются к внешним потрясениям внутри системы [8]. Тэнсли считал, что экосистема – это единая открытая функциональная биосистема, состоящая из совокупности живых организмов и среды их обитания, а также системы связей, посредством которых осуществляется обмен веществом и (или) энергией между ними. Обитатели экосистемы постепенно все лучше адаптируются и к определенным естественным условиям, и к совместному проживанию, вступая между собой в многочисленные обмены и в конце концов извлекая все большую выгоду из этой адаптации.

На сегодняшний день экосистемы представляют собой наиболее успешную бизнес-модель: топ-10 компаний мира по рыночной капитализации возглавляют компании, реализующие экосистемный подход. Так, по данным исследования экспертов PWC (2023), по состоянию на март 2023 года капитализация первых двух компаний – Apple и Microsoft – превысила 2 триллиона долларов, а следующая тройка – Saudi Aramco, Alphabet (Google) и Amazon – имела рыночную капитализацию более 1 триллиона долларов [9]. По оценке экспертов McKinsey, к 2025 году на экосистемы может прийти около 30% глобального ВВП (60 триллионов долларов США) [10]. Влияние цифровых экосистем и стоящих за ними технологических корпораций (как правило, транснациональных)

настолько велико, что некоторые исследователи ставят вопрос об их конкуренции с государствами. По оценкам российских экспертов, на данный момент на рынке присутствует более 10 отечественных цифровых экосистем – это Сбер, Яндекс, X5 Retail Group, Wildberries, Тинькофф, Ozon, ВТБ, МТС, Мегафон, Авито, VK (бывш. Mail.ru), «Сеть Партнерств».

Определений цифровой экосистемы к настоящему моменту предложено уже множество – как фокусирующихся на отдельных аспектах (технологический, экономический, социологический, организационный и др.), так и претендующих на интегральный характер. Представляется, что наиболее полно социально-экономические характеристики феноменов «цифровой платформы» и «цифровой экосистемы» отражены в соответствующих документах Минэкономразвития РФ [11], Центра стратегических разработок [12] и Института экономической политики [13].

Цифровая платформа – это бизнес-модель, позволяющая потребителям и поставщикам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами и информацией (цифровыми сервисами), включая предоставление продуктов/услуг/информации собственного производства.

Цифровая экосистема – это клиентоцентричная бизнес-модель, объединяющая две и более группы продуктов, услуг, информации (собственного производства и (или) других игроков) для удовлетворения конечных потребностей клиентов (безопасность, жилье, развлечения и т.д.). Особенностью экосистем является то, что они объединяют продукты/услуги, создавая дополнительную ценность при пользовании более чем одним/одной продуктом/услугой с точки зрения удобства и (или) финансовой привлекательности для своих поставщиков и потребителей, на основе технологических платформ.

Понятия цифровых платформ и цифровых экосистем появились эволюционно из мира офлайн. Изначально физическая среда обитания человека представляла собой платформы и экосистемы, в которых человек удовлетворял свои потребности. Например, города, торговые центры, вокзалы и аэропорты, кинотеатры представляют собой офлайн-экосистемы, где человек получает комплекс товаров и услуг. С появлением технологий офлайн-платформы и экосистемы начали трансформироваться в цифровые. Теперь приобретение, а иногда и предоставление продуктов и услуг осуществляется в формате онлайн на цифровых платформах и в экосистемах. Ключевой характеристикой экосистемы как бизнес-модели является то, что платформа, лежащая в основе экосистемы, и прочие продукты функционируют в разных отраслях и конкурируют на разных рынках. Поэтому невозможно говорить об отдельном рынке экосистем, а оценка конкуренции требует анализа на уровне конкретных рынков.

Анализ показывает, что понятие *цифровой экосистемы* в качестве комплексного объекта

регулируемые в законодательствах стран мира отсутствует, в том числе и в России. В основном регулирование осуществляется путем использования антимонопольных инструментов [12]. В отечественных нормативных документах встречается как отождествление (на наш взгляд, необоснованное) понятий «цифровая платформа» и «цифровая экосистема» (пример – «Гостех», Постановление Правительства РФ от 16.12.2022 № 2338), так и весьма проработанные концепты (пример – Приказ Росстата от 22.08.2022 № 583: «*Цифровая экосистема – совокупность в той или иной степени интегрированных цифровых сервисов и (или) цифровых платформ, сформированная в целях наиболее полного удовлетворения потребностей некоторой целевой аудитории или совокупности целевых аудиторий, и обладающая признаками, позволяющими потребителям услуг установить факт принадлежности входящих в состав экосистемы цифровых сервисов и (или) платформ к одной экосистеме; такая совокупность признается цифровой экосистемой вне зависимости от способа и степени их интеграции элементов, принадлежности вовлеченных в экосистему активов и степени аффилиации их владельцев; владельцы вовлеченных в экосистему активов характеризуются общностью и взаимозависимостью экономических интересов, придерживаются общего семейства согласующихся концепций и стратегий развития единичных сервисов и совокупного сервисного предложения*»).

Понятие *цифровой экосистемы* неразрывно связано с двумя другими базовыми понятиями, имеющими непосредственное отношение к предмету настоящего исследования, а именно цифровые технологии и цифровизация. Академические источники, посвященные проблематике цифровых технологий, как правило не содержат определения этого термина. Вероятнее всего, это связано с тем, что его смысловое содержание представляется авторам очевидным или, как минимум, недискуссионным. В аналитической литературе отмечается, что вопрос о том, какие именно технологии следует относить к цифровым, является предметом активной теоретической дискуссии [14]. Авторы доклада НИУ ВШЭ «Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение» (2019) предлагают определять цифровые технологии как технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде [15]. Такая дефиниция представляется адекватной действительности и соответствующей общепринятому пониманию этого термина. Вместе с тем встречаются и альтернативные подходы, например, в ГОСТ Р 33.505—2003 цифровыми называются технологии, использующие электронно-вычислительную аппаратуру для записи кодовых импульсов в определенной последовательности и с определенной частотой [16]. Представляется, что приведенные определения носят взаимодополняющий характер и не противоречат друг другу, рассматривая единый феномен с разных точек зрения.

Похожая ситуация сложилась и с термином

«цифровизация», который также имеет непосредственное отношение к исследуемой теме. Как справедливо пишут об этом А.А. Волос и А.А. Иванов, несмотря на то, что различные варианты дефиниций приводятся в ряде нормативных правовых актов, в каждом конкретном документе термин описывается именно в том узком смысле, который необходим для целей непосредственно этого документа. Дополнительно отмечается, что исследователи, которые изучают феномен цифровизации, однозначного определения этому термину не дают, вероятно, полагая его значение понятным по умолчанию [17]. О такой теоретической неопределенности пишут и авторы доклада НИУ ВШЭ «Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса» (2017), добавляя при этом, что в самом широком смысле под цифровизацией обычно понимается социально-экономическая трансформация, инициированная массовым внедрением и усвоением цифровых технологий [14].

III. ПРАВО НА «АНАЛОГОВУЮ» АЛЬТЕРНАТИВУ

Как отмечает Е.В. Гриценко в своей работе «Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации» (2022), тенденции цифровизации сферы публичного управления таковы, что определенные административные действия либо уже совершаются, либо в ближайшем будущем будут совершаться исключительно в электронном виде. При этом правила использования цифровых систем зачастую могут быть как минимум не согласованы с конституционными и законодательными гарантиями, а как максимум, могут их существенно обеднять или вовсе вступать с ними в противоречие [18].

Ярким примером этой тенденции выступили процессы, происходившие на фоне пандемии COVID-19, когда цифровизация не только охарактеризовалась ударными темпами, но и местами вовсе приобрела принудительный характер. Наиболее ярко это проявилось в городе Москва, где указами мэра был введен карантинный режим, предполагавший существенное ограничение основных прав и свобод граждан, а также внедрение системы электронного мониторинга их местоположения и системы цифровых пропусков (которая впоследствии будет трансформирована в систему QR-кодов) [19]. Прямое противоречие введенных ограничений Конституции Российской Федерации было признано даже главой комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству [20]. Тем не менее, периодически видоизменяясь, карантинный режим продолжил существовать в городе Москва вплоть до 2022 года [21]. Система QR-кодов, предоставлявшая гражданам возможность осуществлять свои права и свободы в обмен на оцифровку данных о здоровье, вводилась во многих регионах Российской Федерации [22]. При этом правовой основы для введения таких ограничений так и не появилось в корпусе федерального законодательства.

Как отмечает А. Савельев, особенностями такого

нормотворчества (метко названного «вирусспруденцией») стали: (а) делегированный характер, (б) оперативность принятия при отсутствии предварительных обсуждений с экспертным сообществом и иными государственными органами, (в) целесообразность как основной критерий формальной легитимности. Данные характеристики были «благословлены» Конституционным Судом РФ, который отметил в своем постановлении от 25.12.2020 № 49-П: тот факт, что регулирование органов государственной власти регионов «носило опережающий характер (особенно принимая во внимание масштаб угрозы распространения коронавирусной инфекции), не может служить основанием для вывода о признании его в конкретно-исторической ситуации противоправным и противоречащим положениям Конституции Российской Федерации даже в короткий период до принятия федеральных актов, придавших ему формально-юридическую легитимацию». Что, в свою очередь, открывает практически бесконечные возможности для принятия на подзаконном или региональном уровне любых ограничивающих права и свободы граждан и организаций актов. Потенциальные противоречия действующему законодательству можно объяснить чрезвычайностью «конкретно-исторической» ситуации и «опережающим» характером нового акта, а в случае успешности предусмотренных им мер и ограничений либо при наличии большого политического веса у стоящего за таким актом государственного органа соответствующий федеральный закон, возможно, и будет принят. В случае же неуспешности таких мер они, возможно, через какое-то время будут отменены, но ответственности за их принятие и последствия в период их действия никто не понесет. В условиях, когда обладание данными о гражданах в совокупности с технологиями по их обработке означает возможность контроля, можно заключить, что пандемия создала необходимые условия для формирования новых моделей управления обществом, демонтировав те правовые границы, которые когда-то препятствовали появлению таких моделей и считались незыблемыми [23].

Примеры «агрессивной» цифровизации показывают, что поражение в правах граждан, не участвующих в так называемых «цифровых» отношениях, является проблемой вовсе не футурологического, а реального характера. Развитие государственной цифровой экосистемы способно полностью или частично вытеснить традиционные нецифровые способы участия в политической жизни или существенно затруднить их использование (например, спровоцировать радикальное сокращение количества «аналоговых» площадок). Перспектива исключения граждан, не являющихся участниками (пользователями) государственной цифровой экосистемы, из сферы политических отношений является реальной угрозой, значение которой нельзя недооценивать.

В академических источниках отмечается, что активная цифровизация различных сфер общественной

жизни обладает рядом «побочных эффектов», в числе которых указываются такие явления как «цифровая эксклюзия» и «цифровая дискриминация». Под «цифровой эксклюзией» понимается специфическая черта определенных групп населения, характеризующаяся пониженным уровнем их доступа к технологиям. К таким категориям относятся, например, пожилые люди, люди с физическими ограничениями или тяжелыми заболеваниями, малоимущие, мигранты и пр. Цифровая же дискриминация предполагает ущемление указанных категорий граждан в правах и возможностях, ввиду их ограниченной способности пользоваться электронными услугами [24].

Ситуация осложняется тем, что, как отмечают авторы доклада РАНХиГС «Этика и «цифра»: от проблем к решениям» (2021), этический консенсус по вопросу, может ли гражданин полноценно реализовывать все свои права без использования цифровых технологий, в настоящий момент отсутствует [24]. Однако стоит отметить, что в академических источниках приводится множество этических доводов в пользу сохранения «аналоговой» альтернативы цифровым сервисам.

Так, авторы одного из разделов вышеупомянутого доклада РАНХиГС полагают, что с этической точки зрения не следует принуждать людей к использованию цифровых платформ, так как по ряду физических, финансовых и религиозных причин человек должен иметь право не использовать указанные системы и при этом оставаться работоспособным членом общества. С точки зрения исследователей, праву человека на отказ от использования цифровых технологий должна корреспондировать этическая обязанность государственных служащих, выступающих заказчиками цифровых продуктов, предусмотреть альтернативный способ получения соответствующей услуги, использование которого не приведет к возникновению какого-либо ущерба для гражданина [24]. Авторы другого раздела указанного доклада дополнительно отмечают, что даже люди, не подверженные цифровой эксклюзии, должны иметь возможность получать те или иные услуги в нецифровом варианте, так как могут столкнуться с нестандартными ситуациями, например отключением электричества или сбоями в цифровой системе [24].

Исследователи обращают внимание на то, что задачами цифровизации являются ускорение, упрощение и удешевление процессов. При этом повсеместный переход на «цифру» без сохранения аналоговой альтернативы прямо противоречит указанным задачам, так как порождаемая им «цифровая сегрегация» приводит именно к затруднению получения некоторыми категориями граждан соответствующих услуг [24]. Стоит отметить, что в упомянутом докладе констатируется не только необходимость сохранения доступа граждан к аналоговым сервисам (причем речь идет о свободном выборе человека), но и недопустимость дискриминации тех, кто выбрал традиционные способы получения государственных услуг (аналоговые инструменты должны быть не менее комфортными, чем цифровые). Отмечается, что в числе

прочего такой подход позволит снизить зависимость от конкретной технологии, которая может оказаться уязвимой [24].

Схожая позиция формулируется и S. Ranchordás в статье «The Digitization of Government and Digital Exclusion: Setting the Scene» (2022). Исследуя феномен цифровизации сферы государственных услуг, автор заключает, что «цифровое государство» не является самоцелью и служит целям повышения прозрачности, эффективности, доступности и инклюзивности государственной системы. Исследователь приходит к выводу, что «цифровое государство» не может выступать альтернативой офлайн-сервисам до тех пор, пока граждане остаются лишенными возможности использовать цифровые аналоги из-за недостатка технических или социальных навыков [25]. При этом в работе отдельно отмечается, что в настоящее время как в развитых, так и в развивающихся странах далеко не все люди обладают необходимым уровнем грамотности, финансовых средств, физических и психических способностей для взаимодействия с цифровыми технологиями [25].

В 2021 году на фоне продолжающейся пандемии и ускоряющихся темпов цифровизации Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека опубликовал доклад на тему «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве», в котором неоднократно упоминается важность права гражданина на отказ взаимодействовать с государством и обществом в электронной форме. Как и в рассмотренных выше работах, в указанном докладе причина недопустимости «тотальной цифровизации» обосновывается в первую очередь проблемами цифровой эксклюзии. В частности, упоминаются такие факторы этого явления как возможность доступа в сеть у разных социальных групп, стоимость устройств, качество связи, уровень цифровой грамотности, желание и возможность переходить на «цифру» [26]. При этом кроме социального обоснования необходимости предоставления гражданину права на отказ от использования цифровых технологий (причем без необходимости объяснять кому-либо причины такого решения) авторы доклада приводят и чисто правовой аргумент, полагая указанное право «естественным правом гражданина», которое при этом необходимо закрепить законодательно [26].

В дальнейшем Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека был представлен проект концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве (2021). В рамках этого проекта используется термин «цифровой суверенитет», который среди прочего предполагает право человека полностью или частично отказаться от вовлечения в цифровое взаимодействие, а также иметь возможность осуществлять свои права в отношении государства и общества вне цифрового пространства [27]. Стоит подчеркнуть, что право на использование традиционных форм взаимодействия граждан, бизнеса и государства представлено в упомянутом проекте в числе

специфических прав и свобод человека и гражданина, подлежащих защите в цифровом пространстве Российской Федерации. Кроме упомянутого права представленный перечень содержит и право на защиту от цифровой дискриминации [27]. Более того, авторы проекта выделяют обеспечение реализации всех прав и свобод граждан, не использующих возможности цифрового пространства вне зависимости от причин (свободное волеизъявление, состояние здоровья, инвалидность, психологические и возрастные особенности, уровень образования и т.д.), как одну из задач по совершенствованию и развитию законодательства в сфере обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации [27].

Кроме этого, в проекте были упомянуты множественные риски, угрозы и вызовы, которые, согласно его авторам, препятствуют реализации прав и свобод человека и гражданина в цифровой среде [27]. Среди этих неблагоприятных эффектов цифровизации можно особо выделить следующие: вовлечение граждан в цифровую среду под угрозой невозможности полноценной реализации их прав, свобод и законных интересов; низкую цифровую грамотность граждан и общества в целом, в том числе низкую осведомленность о требованиях информационной безопасности и гигиены цифровой среды; низкую социальную ответственность бизнеса при внедрении новых цифровых технологий; несанкционированный сбор и противоправное использование персональных данных, включая массовый, тотальный сбор персональных данных граждан, осуществляемый в «теневом» цифровом пространстве; низкую надёжность хранения цифровых документов и материалов; цифровую дискриминацию граждан на основе собираемых и вычисляемых данных (в том числе, посредством создания «социальных рейтингов»); уязвимость и подверженность цифровых документов утечке, краже, искажению, потере, компрометации данных с возможностью сокрытия «цифровых следов»; массовое нарушение прав и свобод человека и гражданина при несогласованных процессах цифровизации регионального и муниципального уровня, в том числе реализуемых в формате особых экспериментальных режимов, так называемых «законодательных песочниц» [27].

Проблемы цифрового неравенства и неоправданного ограничения прав тех, кто отказывается от использования цифровых технологий в силу своих убеждений, упоминаются и в докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год. В качестве одного из способов решения указанных проблем наряду с пропагандой преимуществ цифровизации предлагается установить гарантии для людей, которые по тем или иным причинам отказываются от использования ее достижений [28].

К выводу о необходимости законодательного закрепления права на отказ от участия в ряде «цифровых» отношений приходит В.Б. Наумов в публикации, непосредственно посвященной указанной

тематике (2022). Правовед сравнивает современные информационные технологии с «черными ящиками», детального и достоверного представления о работе которых нет ни у общества, ни у государства, ни даже у разработчиков (в силу технической сложности разрабатываемых ими решений). Исследователь утверждает, что в условиях неопределенности рисков участие человека и гражданина в «цифровых» правоотношениях должно быть добровольным, осознанным и предполагающим возможность отказаться от использования определенных технологий. Кроме этого, с точки зрения автора, должна быть обеспечена система защиты прав лиц, не имеющих возможности, не желающих или опасющихся использования новых сложных технологических решений [29].

Кроме этических аргументов в пользу сохранения «аналоговой» альтернативы в академических источниках встречаются и чисто правовые доводы аналогичного характера. Так, А.А. Волос и А.А. Иванов в своей статье «Цифровизация и Конституция» (2022) приходят к выводу, что право на цифровизацию, понимаемое как субъективное право любого лица на восприятие и применение норм права при помощи цифровых средств, включая право на отказ от использования последних, по своей природе является конституционным, так как логически проистекает из совокупности различных норм Конституции Российской Федерации, предусматривающих возможность использования не запрещенных законом способов осуществления права [17]. Допустимость отказа от использования цифровых технологий обосновывается авторами необходимостью существования гарантий, предусматривающих выбор средств и методов осуществления субъектами своих прав. Любопытно, что схожее понимание права на цифровизацию встречается в докладе Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека «Отключение Интернета: тенденции, причины, правовые последствия и воздействие на ряд прав человека» (2022), в пункте 63 которого утверждается, что отключение Интернета по своей природе ограничивает права человека [30]. Можно с уверенностью утверждать, что концепция права на цифровизацию (включая право на отказ от использования цифровых технологий) распространяется с точки зрения авторов и на сферу реализации основных политических прав, предоставленных гражданам Конституцией Российской Федерации.

Т.А. Полякова, В.Б. Наумов и А.В. Минбалеев в своей статье «Trust in the law during the digital transformation» (2022) справедливо отмечают, что право на отказ от использования цифровых технологий могло бы быть рациональным инструментом для установления баланса между правами человека и публичными интересами. Корреспондировать такому праву, с точки зрения авторов, могла бы обязанность государства предоставить гражданам эквивалентную альтернативу использованию технических устройств в тех областях, которые в наибольшей степени затрагивают их права и свободы. Кроме этого, авторы подчеркивают

необходимость создания системы, защищающей права тех, кто не может, не хочет или боится использовать различные сложные технологические решения [31].

Один из идеологов концепции так называемой «четвертой промышленной революции» основатель и президент Всемирного экономического форума К. Шваб в своей программной работе 2016 года предрекает, что наступающая технологическая реальность приведет к качественно новому типу неравенства, которое разделит общество на тех, кто приспособился к новым цифровым технологиям, и тех, кто им сопротивляется, то есть буквально, по выражению автора, на победителей и неудачников [32]. При этом Шваб напрямую не пишет о том, что на это можно посмотреть и по-другому: реальными победителями в условиях повсеместной цифровой трансформации окажутся не те, кто приспособится к новым цифровым решениям, а те, кто приспособит их для удовлетворения собственных интересов. В социально-сегрегированном варианте технологической реальности именно представители так называемых мировых элит, активно обсуждающие перспективы цифровизации на международных форумах, смогут позволить себе традиционные (аналоговые) экономические блага, в то время как «неудачникам» будет предложено довольствоваться исключительно «цифровым суррогатом». В этом контексте право человека на альтернативу «цифре» приобретает особое ключевое политическое значение. Технологии становятся источником власти, и на резком повороте истории вчерашние контролеры-цифровизаторы могут из субъектов управления внезапно оказаться в роли его объектов, став жертвой своего же «детища».

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ академических источников показывает, что тенденции активной (а порой и «агрессивной») цифровизации способны значительно ухудшить положение уязвимых перед «цифрой» слоев населения, порождая проблемы *цифровой дискриминации* и даже *цифровой эксклюзии*.

Можно согласиться с позицией центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ о том, что «цифровую экспансию» остановить невозможно, при этом можно и нужно выбирать оптимальные модели правового регулирования, направленные на защиту прав граждан в цифровой среде [33]. При этом в качестве одного из основополагающих правовых средств, направленных на защиту указанной категории прав, с нашей точки зрения, необходимо развивать институт права на отказ от взаимодействия с государством и обществом цифровым путем, обеспеченного корреспондирующей ему обязанностью государства обеспечивать граждан нецифровыми средствами реализации своих прав и законных интересов. Кроме этого, требуется установить систему законодательных гарантий, направленных на защиту прав граждан, которые по каким-либо причинам отказываются от участия в «цифровых» отношениях.

Развитие соответствующего правового института

обосновано рядом аргументов, среди которых труднодоступность (а порой и вовсе недоступность) и сложность современных цифровых технологий для некоторых категорий граждан, низкий уровень цифровой культуры определенных слоев населения, недоверие к цифровым технологиям, в том числе вызванное непрозрачностью и уязвимостью некоторых из них. Этическое обоснование указанного права в контексте политических отношений заключается в необходимости обеспечить равный и исключающий дискриминацию доступ граждан к участию в основополагающих политических процессах (таких как, например, избирательный). Правовое обоснование развития указанного института заключается в необходимости обеспечить способы реализации гражданами основных конституционных прав, исключающие фактическое поражение в правах целой категории граждан.

БИБЛИОГРАФИЯ

- [1] Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Г.И. Абдрахманова, К.Б. Быховский, Н.Н. Веселитская, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; рук. авт. кол. П.Б. Рудник; науч. ред. Л.М. Гохберг, П.Б. Рудник, К.О. Вишневецкий, Т.С. Зинина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 239 с.
- [2] Глава Минкомсвязи Максуд Шадаев обсудил цифровую экосистему государства с директорами ИТ-компаний на конференции TAdviser. URL: www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровая_экосистема_государства (дата обращения: 02.02.2023).
- [3] Государство как платформа: Люди и технологии / под ред. М.С. Шклярук М: РАНХиГС, 2019. 111 с.
- [4] Фролов А.А., Соколов А.В., Егоров Д.В. Ключевые характеристики цифровых экосистем в политике // *Управленческое консультирование*. 2023. № 2. С. 46–55.
- [5] Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 13.03.2023).
- [6] Филатова О.Г., Чугунов А.В. Развитие экосистемы электронного участия в России в начале 2020-х: роль социальных медиа и центров управления регионами // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2022. № 2. С. 120–137.
- [7] Moore J. Predators and Prey: a New Ecology of Competition // *Harvard Business Review*. 1993. Vol. 71, № 3. P. 75–86.
- [8] Tansley A.G. The Use and Abuse of Vegetational Concepts and Terms // *Ecology*. 1935. Vol. 16, № 3. P. 284–307.
- [9] Global Top 100 companies by market capitalization (2023). URL: <https://www.pwc.com/gx/en/audit-services/publications/top100/pwc-global-top-100-companies-2023.pdf> (дата обращения: 16.04.2023).
- [10] Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций // Банк России. 2021. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/119960/consultation_paper_02042021.pdf (дата обращения: 13.03.2023).
- [11] Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы» // Минэкономразвития России. 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptsiya_21052021.pdf (дата обращения: 07.03.2023).
- [12] Актуальные вопросы регулирования экосистем // Доклад Фонда «Центр стратегических разработок». 2021. URL: [http://www.icssr.econ.msu.ru/sadm_files/Доклад%20Экосистемы_длинная%20версия%20\(ЦСР\).pdf](http://www.icssr.econ.msu.ru/sadm_files/Доклад%20Экосистемы_длинная%20версия%20(ЦСР).pdf) (дата обращения: 15.02.2023).
- [13] Эволюция экосистем в России: эволюция, типология, подходы к регулированию // Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара. 2022. URL: https://www.iep.ru/files/ecosystems_results-2022.pdf; https://www.iep.ru/files/news/Issledovanie_jekosistem_Otchet.pdf (дата обращения: 22.02.2023).
- [14] Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса. / отв. ред. Д.С. Медовников НИУ ВШЭ, 2017. 121 с. URL: https://imi.hse.ru/pr2017_1 (дата обращения: 18.02.2023).
- [15] Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 82 с.
- [16] ГОСТ Р 33.505-2003. Единый российский страховой фонд документации. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием: утвержден постановлением Госстандарта РФ от 29 июля 2003 г. N 255-ст. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=OTN&n=9052#DqdAmwTlhNBqL7E82> (дата обращения: 04.04.2023). Доступно в: СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
- [17] Волос А.А., Иванов А.А. Цифровизация и Конституция // *Закон*. 2022. № 12. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=147811> (дата обращения: 17.03.2023). Доступно в: СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
- [18] Гриценко Е.В. Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2022. N 4. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=144354&dst=100004> (дата обращения: 17.03.2023). Доступно в: СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
- [19] Указ мэра Москвы № 47-УМ от 21.04.2020 «О внесении изменений в указы Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ и от 11 апреля 2020 г. № 43-УМ». URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/43758220> (дата обращения: 08.02.2023).
- [20] Клишас заявил об отсутствии у Собянина права на ввод массовых ограничений. URL: <https://www.rbc.ru/society/29/03/2020/5e80f0a69a794757bbe913eb> (дата обращения: 08.02.2023).
- [21] Указ мэра Москвы № 13-УМ от 03.03.2022 «О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 8 июня 2020 г. № 68-УМ». URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/48464220> (дата обращения: 08.02.2023).
- [22] QR-коды в российских регионах. URL: <https://ria.ru/20220120/qrcode-1768550435.html> (дата обращения: 08.02.2023).
- [23] Алебастрова И., Рассказова Н., Савельев А., Цыганков Д., Остапец И., Пашин С., Тай Ю., Рыбалов А., Брызгалин А. Правовые итоги - 2020 // *Закон*. 2021. № 1. С. 19–40.
- [24] Этика и «цифра»: от проблем к решениям / под ред. Е.Г. Потаповой, М.С. Шклярук М.: РАНХиГС, 2021. 184 с.
- [25] Ranchordás S. The Digitization of Government and Digital Exclusion: Setting the Scene // *Law, Governance and Technology Series*. 2022. Vol. 49. P. 125–148.
- [26] Цифровая трансформация и защита прав граждан. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Москва, 2021. URL: http://www.president-sovet.ru/docs/doclad_SPCh.docx?ysclid=lkd0487nq5493183387 (дата обращения: 17.03.2023).
- [27] Проект концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации. URL: <https://rocit.ru/uploads/4f68dc0a2487678a7675ad7589280277050b4004.docx.?t=1639585614> (дата обращения: 17.03.2023).
- [28] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2022.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).
- [29] Наумов В.Б. Отказ от цифровых технологий: абсурд или новое право человека и гражданина // Четвертые Бачиловские чтения: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалева, В.Б. Наумов. М.: Институт государства и права РАН, 2022. С. 78–84.
- [30] Отключение Интернета: тенденции, причины, правовые последствия и воздействие на ряд прав человека. Доклад Управления Верховного комиссара Организации Объединенных

Наций по правам человека. 13 мая 2022 года. URL: <https://undocs.org/A/HRC/50/55> (дата обращения: 11.02.2023).

- [31] Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V. Trust in the law during the digital transformation // State and Law. № 11. 2022. P. 139-147.
- [32] Шваб К. Четвертая промышленная революция. Эксмо, 2016. 208 с.
- [33] Цифровизация и права человека: амбивалентный характер. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Москва, 2021. URL: <https://grans.hse.ru/mirror/pubs/share/517746658.pdf> (дата обращения: 14.03.2023).

Денисов Денис Сергеевич, аспирант Центра технологий электронного правительства, начальник административно-правового департамента, начальник отдела юридического сопровождения деятельности в сфере образования и занятости, руководитель патентно-юридической службы центра трансфера технологий, Университет ИТМО (<http://itmo.ru/>), Санкт-Петербург, email: dsdenisov@itmo.ru.

Digital Ecosystems and the Right to Refuse Technology

Denis S. Denisov

Abstract— The article considers the issue of digitalization of political processes in the context of digital ecosystems. The concept of a digital ecosystem and related social phenomena are investigated. The potential influences of digital ecosystems on particular social institutions are assessed. It is argued that one of the consequences of the digital transformation may be the development of trends for social exclusion of those categories of the population, who, for certain reasons, are unwilling or unable to use digital technologies. As a legal and ethical guarantee to ensure equal and non-discriminatory participation in social processes, it is proposed to establish by law the institution of the right not to interact with the state and society digitally. Based on the analysis of academic sources, the arguments of many researchers in favor of the development of this legal institution are presented. It is concluded that there is a need to ensure equal and non-discriminatory access for people to participate in fundamental social processes, excluding the actual loss of rights (including participation in government) of an entire category of citizens.

Keywords— digital ecosystems, digital platforms, digital technologies, digitalization, the right to reject digital technologies, digital transformation, digital exclusion, digital discrimination, human rights.

REFERENCES

- [1] Tsifrovaya transformatsiya otraslei: startovie usloviya i prioritety [Digital transformation of industries: start-up conditions and priorities]: report to the XXII April International Scientific Conference on Economic and Social Development, Moscow, April 13-30, 2021 / G.I. Abdrakhmanova, K.B. Bikhovskii, N.N. Veselitskaya, K.O. Vishnevskii, L.M. Gokhberg et al.; lead auth. P.B. Rudnik; ed. by L.M. Gokhberg, P.B. Rudnik, K.O. Vishnevskii, T.S. Zinina; National Research University Higher School of Economics. Moscow, Higher School for Economics' Publishing House, 2021. 239 p.
- [2] Glava Minkomsvyazi Maksut Shadaev obsudil tsifrovuyu ekosistemu gosudarstva s direktorami IT-kompanii na konferentsii TAdviser [Maksut Shadayev, Head of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation, discussed the digital ecosystem of the state with the directors of IT companies at the TAdviser conference] URL: www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровая_экосистема_государства (date of request: 02.02.2023).
- [3] Gosudarstvo kak platforma: Lyudi i tekhnologii [The State as a Platform: People and Technology] / ed. by M.S. Shklyaruk. Moscow, RANEPa, 2019. 111 p.
- [4] Frolov A.A., Sokolov A.V., Yegorov D.V. Klyuchevye kharakteristiki tsifrovikh ekosistem v politike [The Key Characteristics of Digital Ecosystems in Policy] // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2023. № 2. P. 46–55.
- [5] Universal Declaration of Human Rights (text in Russian). Proclaimed by the United Nations General Assembly in Paris on 10 December 1948 (General Assembly resolution 217 A). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (date of request: 13.03.2023).
- [6] Filatova O.G., Chugunov A.V. Razvitiye ekosistemi elektronogo uchastiya v Rossii v nachale 2020-kh: rol sotsialnikh media i tseftrov upravleniya regionami [Development of the e-participation ecosystem in Russia in the early 2020's: the role of social media and regional management centers] // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2022. № 2. P. 120-137.
- [7] Moore J. Predators and Prey: a New Ecology of Competition // Harvard Business Review. 1993. Vol. 71, № 3. P. 75-86.
- [8] Tansley A.G. The Use and Abuse of Vegetational Concepts and Terms // Ecology. 1935. Vol. 16, № 3. P. 284-307.
- [9] Global Top 100 companies by market capitalization (2023). URL: <https://www.pwc.com/gx/en/audit-services/publications/top100/pwc-global-top-100-companies-2023.pdf> (date of request: 16.04.2023).
- [10] Ekosistemi: podkhodi k regulirovaniyu. Doklad dlya obshchestvennikh konsultatsii [Ecosystems: Approaches to Regulation. Public consultation report] // The Central Bank of the Russian Federation. 2021. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/119960/consultation_paper_02042021.pdf (date of request: 13.03.2023).
- [11] Kontseptsiya obshchego regulirovaniya deyatelnosti grupp kompanii, razvivayushchikh razlichnie tsifrovie servisi na baze odnoi «ekosistemi» [The concept of general regulation of the activities of groups of companies developing various digital services based on one “ecosystem”] // The Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/koncepciya_21052021.pdf (date of request: 07.03.2023).
- [12] Aktualnie voprosi regulirovaniya ekosistem [Current issues in ecosystem regulation] // Report of the Center for Strategic Research Foundation. 2021. URL: [http://www.lccp.econ.msu.ru/sadm_files/Доклад%20Экосистемы_длинная%20версия%20\(ЦСР\).pdf](http://www.lccp.econ.msu.ru/sadm_files/Доклад%20Экосистемы_длинная%20версия%20(ЦСР).pdf) (date of request: 15.02.2023).
- [13] Evolyutsiya ekosistem v Rossii: evolyutsiya, tipologiya, podkhodi k regulirovaniyu [Evolution of ecosystems in Russia: evolution, typology, regulatory approaches] // The Ye. T. Gaidar Institute for Economic Policy. 2022. URL: https://www.iep.ru/files/ecosystems_results-2022.pdf; https://www.iep.ru/files/news/Issledovanie_jekosistem_Otchet.pdf (date of request: 22.02.2023).
- [14] Tsifrovaya ekonomika: globalnie trendi i praktika rossiiskogo biznesa [Digital Economy: Global Trends and Practices in Russian Business] / ed. by D.S. Medovnikov. HSE, 2017. 121 p. URL: https://imi.hse.ru/pr2017_1 (date of request: 18.02.2023).
- [15] Chto takoe tsifrovaya ekonomika? Trendi, kompetentsii, izmerenie [What is the digital economy? Trends, competencies, measurement]: report to the XX April International Scientific Conference on Economic and Social Development, Moscow, April 9–12, 2019 / G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevskii, L.M. Gokhberg et al.; ed. by L.M. Gokhberg; National Research University Higher School of Economics. — Moscow, Higher School for Economics' Publishing House, 2019. — 82 p.
- [16] GOST R 33.505-2003. Edinii rossiiskii strakhovoi fond dokumentatsii. Poryadok sozdaniya strakhovogo fonda dokumentatsii, yavlyayushcheysya natsionalnim nauchnim, kulturnim i istoricheskim naslediem [GOST R 33.505-2003. Unified Russian insurance fund documentation. Establishment of an insurance fund for documentation that is a national scientific, cultural and historical heritage (The State Standard of Russian Federation)]: approved by the Federal Technical Regulation and Metrology Agency (Rosstandart) decree N 255-st of July 29, 2003. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=OTN&n=9052#DqdAmwTlhbqL7E82> (date of request: 04.04.2023). Access from the legal database “Consultant Plus”. Access mode: for registered users.
- [17] Volos A.A., Ivanov A.A. Tsifrovizatsiya i Konstittutsiya [Digitalization and the Constitution] // Zakon. 2022. № 12. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=147811> (date of request: 17.03.2023). Access from the legal database “Consultant Plus”. Access mode: for registered users.
- [18] Gritsenko E.V. Pravo na khoroshee upravlenie v usloviyakh tsifrovoy transformatsii [The Right to Good Governance in the Context of Digital Transformation] // Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie. 2022. № 4. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CJI&n=144354&dst=100004> (date of request: 17.03.2023). Access from the legal database “Consultant Plus”. Access mode: for registered users.
- [19] Ukaz mera Moskvi N 47-UM ot 21.04.2020 «O vnesenii izmenenii v ukazi Mera Moskvi ot 5 marta 2020 g. N 12-UM i ot 11 aprelya 2020 g. N 43-UM» [Decree of the Mayor of Moscow of April 21, 2020 N 47-UM “On the amendment of the decrees of the Mayor of Moscow of March 5, 2020 N 12-UM and of April 11, 2020 N 43-UM”]. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/43758220> (date of request: 08.02.2023).

- [20] Klishas zayavil ob otsustvii u Sobyana prava na vvod massovikh ogranichenii [Klishas declared that Sobyenin had no right to impose mass restrictions] URL: <https://www.rbc.ru/society/29/03/2020/5e80f0a69a794757bbe913eb> (date of request: 08.02.2023).
- [21] Ukaz mera Moskvi N 13-UM ot 03.03.2022 «O vnesenii izmenenii v ukaz Mera Moskvi ot 8 iyunya 2020 g. N 68-UM» [Decree of the Mayor of Moscow of March 3, 2022 N 13-UM "On the amendment of the decree of the Mayor of Moscow of June 8, 2020 N 68 UM"]. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/48464220> (date of request: 08.02.2023).
- [22] QR-kodi v rossiiskikh regionakh [QR-codes in Russian regions]. URL: <https://ria.ru/20220120/qr-kody-1768550435.html> (date of request: 08.02.2023).
- [23] Alebastrova I., Rasskazova N., Savelev A., Tsigankov D., Ostapets I., Pashin S., Tai Yu., Ribalov A., Brizgalin A. Pravovie itogi – 2020 [The legal annual results of 2020] // Zakon. 2021. № 1. P. 19-40.
- [24] Etika i «tsifra»: ot problem k resheniyam [Ethics and "digit": from problems to solutions] / ed. by Ye.G. Potapova, M.S. Shklyaruk. Moscow, RANEP, 2021. 184 p.
- [25] Ranchordás S. The Digitization of Government and Digital Exclusion: Setting the Scene // Law, Governance and Technology Series. 2022. Vol. 49. P. 125-148.
- [26] Tsifrovaya transformatsiya i zashchita prav grazhdan. Doklad Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka [Digital transformation and protection of citizens' rights. Report of the Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights]. Moscow, 2021. URL: http://www.president-sovet.ru/docs/doclad_SPCh.docx?ysclid=lkd0487nq5493183387 (date of request: 17.03.2023).
- [27] Proekt kontseptsii obespecheniya zashchiti prav i svobod cheloveka i grazhdanina v tsifrovom prostranstve Rossiiskoi Federatsii [Draft concept of ensuring the protection of human and civil rights and freedoms in the digital space of the Russian Federation] URL: <https://rocit.ru/uploads/4f68dc0a2487678a7675ad7589280277050b4004.docx?t=1639585614> (date of request: 17.03.2023).
- [28] Doklad o deyatelnosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii za 2022 god [Report on the activities of the Ombudsman in the Russian Federation for 2022] URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2022.pdf> (date of request: 20.03.2023).
- [29] Naumov V.B. Otkaz ot tsifrovikh tekhnologii: absurd ili novoe pravo cheloveka i grazhdanina [Rejection of digital technologies: an absurdity or a new human and civil right] // 4-th Bachilovskie chteniya: materials of the International Scientific and Practical Conference / ed. by T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2022. P. 78-84.
- [30] Internet shutdowns: trends, causes, legal implications and impacts on a range of human rights. Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (text in Russian). 13 May 2022. URL: <https://undocs.org/A/HRC/50/55> (date of request: 11.02.2023).
- [31] Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V. Trust in the law during the digital transformation // State and Law. № 11. 2022. P. 139-147.
- [32] Schwab K. Chetvertaya promishlennaya revolyutsiya (text in Russian) [The Fourth Industrial Revolution]. Eksmo, 2016. 208 p.
- [33] Tsifrovizatsiya i prava cheloveka: ambivalentnii kharakter [Digitalization and human rights: ambivalent nature]. Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector National Research University Higher School of Economics (HSE). Moscow, 2021. URL: <https://grans.hse.ru/mirror/pubs/share/517746658.pdf> (date of request: 14.03.2023).

Denis S. Denisov, graduate student of the E-Governance Center, Head of the Administrative & Legal Department, Head of the Education & Labour Law Office, Head of the Patent & Legal Service for the Technology Transfer Office, ITMO University (<http://itmo.ru/>), Saint-Petersburg, email: dsdenisov@itmo.ru.